

18+

Отец шатунов.

Жизнь Юрия Мамлеева
до гроба и после

Эдуард Лукоянов

Individuum

Эдуард Лукоянов

**Отец шатунов. Жизнь Юрия
Мамлеева до гроба и после**

«Individuum»

2023

УДК 82-94
ББК 84(Рос)6

Лукоянов Э.

Отец шатунов. Жизнь Юрия Мамлеева до гроба и после /
Э. Лукоянов — «Individuum», 2023 — (Individuum)

ISBN 978-5-6048295-3-0

Биографии недавно покинувших нас классиков пишутся, как правило, их апологетами, щедрыми на елей и крайне сдержанными там, где требуется расчистка завалов из мифов и клише. Однако Юрию Витальевичу Мамлееву в этом смысле повезло: сам он, как и его сподвижники, не довольствовался поверхностным уровнем реальности и всегда стремился за него заглянуть — и так же действовал Эдуард Лукоянов, автор первого критического жизнеописания Мамлеева. Поэтому главный герой «Отца шатунов» предстает перед нами не как памятник самому себе, но как живой человек со всеми своими недостатками, навязчивыми идеями и творческими прорывами, а его странная свита — как общность жутковатых существ, которые, нравится нам это или нет, во многом определили черты и характер современной русской культуры. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94
ББК 84(Рос)6

ISBN 978-5-6048295-3-0

© Лукоянов Э., 2023
© Individuum, 2023

Содержание

Пролог	6
I. Смерть	13
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Эдуард Лукоянов

Отец шатунов. Жизнь Юрия Мамлеева до гроба и после

*Не пиши жутких книг, смотри на жизнь веселее.
Юрий Мамлеев. Другой*

Права на изображения принадлежат следующим авторам:

Эдуард Лимонов, Василий Шапошников/Коммерсантъ, Владимир Пятницкий, Владимир Ковенацкий, Валентин Серов, Алексей Беляев-Гинтовт, Максим Авдеев, Ирина Дудина, Александр Повзнер.

© Эдуард Лукоянов, 2023

© ООО «Индивидуум Принт», 2023

Пролог

В меру прохладным майским днем 201... года в меру одаренный студент Анцетонов уверенно переступил порог своего дома. Столь же уверенно светило солнце через пену облаков, асфальт покрывали разноглубокие лужицы вчерашнего дождя. Среди подернутых зеленью кустов и деревьев произносили нескладные звуки городские подобия птиц: тут и там переливался их цок-перецок. Тут же на асфальте кривлялась мокрая кошка, напрыгавшая злые желто-коричневые глаза.

Первым делом Анцетонов заглянул в магазин у подъезда, чтобы унять не очень беспокоящее, но все же гудение в его коротко остриженной голове. Взял банку крепкого сладкого пива и одним глотком опустошил наполовину. Вздохнув, в два глотка закончил начатое, смял банку, бросил в зеленую урну, где слепились между собой, будто сладострастные мертвецы, коричневые окурки и какие-то обертки, похожие на позавчерашние объявления. Анцетонов закурил в раздумьях, затем сходил еще за одной.

Настроение на душе у Анцетонова было двоякое, обоюдоострое. Однако проглоченное пиво жарко разливалось по внутренностям, и он смело зашагал в сторону метро.

Москва же в тот день была самая обыкновенная, послепраздничная. Под ногами кисли мокрые черно-оранжевые ленты, одинокие пьяницы суетились между разнообразными киосками, толстогрудая тетка вела за руку дочь, на которую одновременно кричала матом. Анцетонов заметил, что сейчас двухголовая плачуще-кричащая фигура эта угодит под стальное колесо трамвая. Трамвай звякнул, женщина с ребенком отскочили, студент Анцетонов швырнул очередной окурочек и спустился под землю.

Путь предстоял долгий – от «Сокольников» до «Проспекта Вернадского»: через всю Москву, но хотя бы без пересадок. Анцетонов, принципиально писавший от руки, достал из рюкзака записную книжку, повертел, полистал, открыл на странице, где набрасывал вопросы, которые хотел бы, если удастся, задать там, куда он едет. Впрочем, были это не вопросы, а просто обрывки как будто случайных слов: «незримое и зримое», «запредел», «Америка», «начало» и так далее – только ему одному было понятно значение этих чернильных знаков.

В вагоне было практически пусто, но Анцетонов все равно стал в него вглядываться, ожидая подсказок. Напротив сидели двое одинаковых мужчин, похожих на депутатов. На лацканах их одинаковых пиджаков блестели значки с триколором, а в руках они держали одинаковые пакеты с символикой правящей партии. Возможно, они возвращались с собрания. Возможно, они были наемными убийцами под прикрытием.

Поодаль от них сидела женщина, похожая на старуху, ее кое-как перебинтованные ноги были подвержены гниению. Глядя на желтые и белые струпья, местами кровоточащие, Анцетонов вдруг исполнился жалостью к этому пожилому существу, ему захотелось, чтобы ноги гнили и пахли гноем с марлей у него, а не у этой пассажирки; чтобы ноги его отрезали и превратили в сувенир для иностранцев, расписав под гжель или более узнаваемую хохлому. Однако мечта эта тут же сменилась страхом заразиться. Анцетонов сделал вид, что ему выходить на следующей станции, а когда двери открылись, перешел в соседний вагон.

Поезд ехал неспешно, останавливаясь и подолгу стоя на каждом перегоне. Похмельный пот выступал на коротких, почти невидимых волосах Анцетонова. Он придумал, чем заняться, пока поезд везет его в гости.

Анциетонов нажал на кнопки домофона – липкие от прошедшего дождя и людей. Сперва ничего не происходило, потом, когда прошло минуты две-три, домофон то ли ласково, то ли издевательски пропищал: «Кто там? Кто там?» Анцетонов представился и сообщил, что он договаривался о встрече. Домофон пропищал что-то такое же издевательски-ласковое, тяже-

лая дверь едва заметно приоткрылась, и Анцетонов поднялся на одиннадцатый этаж в лифте, наружность которого говорила о том, что в нем нередко застревают люди.

– Здравствуйте, Мария Александровна, – поздоровался Анцетонов с открывшей ему дверь хозяйкой. Та подслеповато глядела, силясь понять, кто это пришел.

– Маша, кто там? Маша! – донесся из квартиры тихий крик.

Уже немало пожившая хозяйка Мария Александровна на крик не ответила, но сделала вид, будто узнала псевдонежданного гостя, и аккуратно пригласила его войти, видимо оценив незначительность исходившей от него угрозы. Разувшись, Анцетонов прошел через тесный и откровенно темный коридор в одну из комнат, где на диване устало сидел хозяин квартиры на Мичуринском проспекте. Весь вид его говорил о переутомлении: желтые линзы очков подчеркивали бледную желтизну лица, на котором топорщилась щеточка коротких неопрятных усиков. Такой же щеткой топорщились на голове совершенно белые волосы.

– Здравствуйте, Юрий Витальевич, – сказал Анцетонов, не дожидаясь, когда Юрий Витальевич его узнает. На всякий случай он, впрочем, добавил, что его зовут так-то и так-то.

– Маша! Маша! Ну что ты стоишь? Чай ставь, гости пришли, – скомандовал хозяин квартиры совсем не командирским тоном. Мария Александровна засуетилась, неожиданно ловко ушагав на кухню.

Анциетонов протиснулся к дивану и уселся поодаль от Юрия Витальевича. Поспрашивал о здоровье, о том, над чем он сейчас работает. Юрий Витальевич, приободрившийся от чужого присутствия, уверенно шептал в ответ. На стене глухо тикали часы, они показывали правильное время.

Мария Александровна вернулась с жидким чаем и то ли сушками, то ли баранками. Притворясь, будто суетится, накрыла стол, принялась что-то предлагать, но Анцетонов почти от всего благодарно отказывался.

– На параде не были? – спросила Мария Александровна.

– Нет, не был, – грубовато отрезал Анцетонов, прячась за чашкой чая.

– А мы по телевизору смотрели, – настаивала Мария Александровна, – так красиво!

– Да, очень красиво, – сдался Анцетонов. – А я вам музыку принес послушать, о которой в прошлый раз рассказывал.

И Мария Александровна, и даже Юрий Витальевич с интересом проследили, как Анцетонов открывает рюкзак и достает из него две пластмассовые коробочки портативных колонок. Вскоре они загудели, потом защелкали и затрещали, будто сломанные, но это была обещанная музыка. Анцетонов объяснил:

– Группа Coil, альбом Musick to Play in the Dark, «Музыка для прослушивания в темноте»... Может, шторы завесим? – предложил он.

– Да я и так ничего не вижу, – возразил Юрий Витальевич потрескивающим, но внятным гортанным шепотком.

Остались при свете. Еще несколько минут слушали, как трещат и заунывно посвистывают колонки, исторгающие из себя песню о важности правильного питания. Теперь она уже не казалась Анцетонову такой хорошей, как обычно. Казалось, она никогда не кончится, а ему придется целую вечность сидеть и смотреть, как Юрий Витальевич слушает эти гудения, больше напоминающие то, что творится в голове у кота. Анцетонов прервал это музыкальное молчание рассказом:

– Это английская группа мистиков-эзотериков. Они изучали Телему, Алистера Кроули, сексуальную магию и выражали свои исследования в музыке. С ними Берроуз, например, общался плотно.

Юрий Витальевич внимательно слушал и согласно кивал. Анцетонов, одновременно рассказывая про английских мистиков, незаметно переключал музыку, чтобы никто не обратил

внимания, как долго она длится и какие странные, откровенно нелепые звуки в ней встречаются. На ладонях его выступило что-то вроде пота.

– Вы Кроули читали? – спросил Анцетонов.

– Да, да, читал, – кивнул Юрий Витальевич.

– И что по этому поводу думаете?

Хозяин в желтых очках задумался, будто подбирая какие-то слова. Мария Александровна залепетала было о том, что ему нельзя напрягаться, но Юрий Витальевич был непреклонен. Пока он размышлял, чуть морща сухие губы, карнавальная музыка, принесенная Анцетоновым, не унималась, гудя теперь чем-то вроде труб.

Юрий Витальевич наконец произнес с неожиданным для Анцетонова восхищением:

– Музыка такая, будто ты уже умер!

Анцетонов нервно, но тоже восторженно засмеялся. Мария Александровна помрачнела с явным неудовольствием:

– Юрочка, ну ты как скажешь! Музыка как музыка. Красивая музыка! Необычная.

– Нет, – возразил Юрий Витальевич. – Музыка эта такая, будто ты уже умер и уже мертвый слушаешь пение мертвецов, которые прибыли в мир иной куда раньше тебя.

– А вы из какого издания? – перебила супруга Мария Александровна.

– «Тверской бульвар, 25», – сказал студент Анцетонов.

Мария Александровна нахмурилась, прикидывая, знает ли она что-нибудь о таком «издании».

– Это альманах Литературного института имени Горького, – прекратил ее мучения студент Анцетонов.

– А! – воскликнула хозяйка дома. – У Юрочки там полно друзей! Эта, как ее... Олеся...

– Николаева, – встрял Анцетонов в не успевший толком начаться монолог Марии Александровны.

– Да-да-да! – явно обиделась, но все же изобразила благодарность Мария Александровна. – Олеся Николаева! У нее муж еще такой интересный... Вы его не знаете?

Анцетонов сделал вид, будто задумался, но тут же поймал себя на неискренности этой задумчивости и просто отрицательно помотал головой. Пришлось Марии Александровне рассказать о муже Олеси Николаевой, а Анцетонову, в свою очередь, пришлось пропустить этот рассказ мимо ушей.

– Понимаете, – раздался наконец голос Юрия Витальевича, когда Мария Александровна закончила, – есть разные уровни понимания. Вот это нижний уровень понимания – оккультизм без Традиции, голая оккультная наука, которая в таком виде не отличается от науки материалистической. Это нижние воды, контрпосвящение, которое закрывает путь в небо на семь печатей. Далее следует понимание оккультное, но уже замешанное на Традиции. Это второй уровень. За ним идет уровень третий – Женевская конвенция.

– Женевская конвенция? – переспросил Анцетонов.

– Женевская конвенция, – подтвердил Юрий Витальевич. – Ну а потом начинаются уже истинные уровни понимания: религиозное, метафизическое, Рене Генон, «Начала» Оригена, Майстер Экхарт, а на вершине всего этого – индийская метафизика, метафизика Веданты. Конечно, человек может проделать весь этот путь, от первого уровня до вершины, но это не каждому дано, можно сказать – единицам. Английские вот эти мистики, они на первом уровне остались. Понимаете, вот есть йога как глубинная метафизическая практика, а есть йога оздоровительная, в которой ничего нет от той традиции, от той практики, которой она была и есть изначально. Профанация, профанация...

«Надо было хоть тортик взять», – подумал вдруг Анцетонов, заметив, как Мария Александровна двигает туда-сюда по столу вазон с баранками.

– Ну а как вам музыка? – сказал вслух Анцетонов, сложив пальцы замком. Тем временем в колонках звучал аккордеон, исполняющий нечто вроде того, что иногда ошибочно принимают за русское народное.

– Музыка такая, будто ты уже умер, – ответил Юрий Витальевич. – Похоже на музыканта одного петербургского. Как его? Не от мира сего такой... Как же его...

– Каравайчук?

– То ли Каравайчук, да, то ли Ковальчук, – задумался Юрий Витальевич, нахмутив не очень тяжелые брови, – то ли Куройчук. Маша должна знать... Маша, как звали того музыканта петербургского, который такую вот музыку играл? В очках такой.

Мария Александровна приложила палец не то к подбородку, не то ко рту, явно что-то вспоминая. На диван молча прыгнул похожий на подсолнечное масло кот Василий. Анцетонов окинул взглядом книжные шкафы, на которых, впрочем, не обнаружилось ничего паранормального: собрания Достоевского и Льва Толстого, некоторое количество Максима Горького, Чехов, русская классическая поэзия, скромные, почти нищенские издания философов, которые можно встретить в любом сетевом магазине. Несколько обособленно чернели мягкие корешки Бориса Акунина и каких-то писателей, имена которых гостю ничего не говорили: видимо, попали сюда эти безвестные книжки из рук самих авторов, их написавших.

– Курехин! – воскликнула Мария Александровна. – Сережа Курехин! Он Юру очень любил. Юра, скажи – на Курехина похоже?

– Да, да, – снова закивал Юрий Витальевич, – очень похоже.

Анцетонов достал записную книжку, полистал, вернул обратно. Спросил, как научиться различать незримое в зримом. Юрий Витальевич как будто не понял вопроса и ушел от ответа, вместо этого потребовав еще чаю. Только Мария Александровна вышла, как хозяин дома обратился к гостю, переменив тон с устало-благостного на приободренный, но оттого менее понятный:

– Ну ты бы хоть цветочков ей принес, – сказал он, кивнув в сторону кухни. И тут же добавил: – Да хоть бы и картошки мешок.

– В следующий раз, – ответил Анцетонов. – В следующий раз обязательно принесу...

Юрий Витальевич подмигнул сразу двумя обмельчавшими и почти незрячими глазами. «Хоть бы картошки мешок», – повторил он полупшепотом. От этой словно невзначай оброненной реплики в душе у Анцетонова что-то щелкнуло, на лбу и ладонях появились моментальные капельки пота, даже в ногах зябко похолодело. Он вспомнил, чем занял себя, пока ехал в метро, и сказал:

– Юрий Витальевич, не знаю, как бы вам это получше объяснить, но...

На этом «но» Анцетонов осекся. К счастью, вернулась Мария Александровна. Никакого чая она не принесла, однако вторжение ее помогло переменить тему беседы. Анцетонов попросил рассказать, как им жилось в Америке, про Южинский кружок и, в конце концов, о том, как зовут кота Василия, который все это время сверлил гостя злыми немигающими блюдечками глаз. Анцетонов заметил на своих брюках бело-рыжие клочочки шерсти, хотя он не мог вспомнить, чтобы Василий об него терся. Мария Александровна, будто вторя коту, ласково-безучастно смотрела на него блеклыми зрачками.

– А что вы думаете о фильмах Дэвида Линча? – спросил Анцетонов.

– Кого? – не понял Мамлеев.

– Дэвида Линча, – настаивал Анцетонов. – «Синий бархат», «Малхолланд Драйв»... Не смотрели? Вас иногда называют русским Дэвидом Линчем.

– Ой, Юра, надо обязательно посмотреть, с кем это тебя сравнивают, – заметила Мария Александровна.

Юрий Витальевич, однако, задумался о чем-то своем, и даже он сам не мог бы сказать, о чем именно: о жизни в Америке, необходимости просмотра фильмов Дэвида Линча, коте

Василии и том, как он научился оставлять свою шерсть на людях, не прикасаясь к ним, или о мешке картошки. В спрятанных за желтыми линзами глазах его читалось, что все эти вещи и явления обладали для него равной ценностью.

– А Юфита не смотрели? – не унимался гость.

– Кого?

– Евгения Юфита, некрореалиста.

О некрореалисте Евгении Юфите хозяин впервые слышал.

– Может, вы нам как-нибудь кинопоказ устроите? – спросила Мария Александровна то ли искренне, то ли изощренно издеваясь – Анцетонов перестал различать.

– Это мысль, – сказал он. – Проектор, думаю, найдем. А расскажите, пожалуйста, как вы писали «Шатунов»?

– В бане, – невозмутимо ответил Юрий Витальевич. – «Шатунов» я писал в бане.

Мария Александровна вдруг расхохоталась – то ли словам мужа, то ли чему-то своему, не касающемуся никого из присутствующих. Анцетонов посмотрел на хозяйку дома, но та ничего не сказала в ответ на его взгляд. Мария Александровна вновь спросила, для какого журнала пишется интервью. Анцетонов ответил. «Экземпляр нам передадите, когда выйдет?» – спросила Мария Александровна. Анцетонов, кажется, ответил согласием.

– Маша, – сказал Юрий Витальевич, – покажи тот журнал, где статья Жака Катто была опубликована... Вы знаете Жака Катто? Это самый главный французский специалист по Достоевскому...

Через мгновение на покрытом белой скатертью столе появился французский журнал с крикливой обложкой: на ярко-красном фоне был изображен взбесившийся автомобиль (что-то вроде американского «бьюика»), который давил абстрактную мешанину из кругов, спиралей и разноцветных линий. Здесь же крупными буквами сообщалось что-то про апокалипсис и атомную бомбу.

– На Стивена Кинга похоже, – заметил Анцетонов.

– Вот тут вот написано, – прокомментировала Мария Александровна, грассируя: – «Мэтр де гротеск», мэтр гротеска.

– А можно сфотографировать? – сказал Анцетонов и достал фотоаппарат.

Сфотографировав все, что нужно, разговорились об эзотерике и оккультизме. Анцетонов опять вцепился в записную книжку и потребовал, чтобы Юрий Витальевич продиктовал, с какими книгами ему надо ознакомиться для лучшего понимания мамлеевского творчества.

– В первую очередь, конечно же, классика русской поэзии: Блок, Есенин, Тютчев, Хлебников, Андрей Белый, – принялся диктовать Юрий Витальевич. – Конечно же, Гоголь и Достоевский, Булгаков Михаил Афанасьевич. В меньшей степени – Толстой, в большей – Платонов. Платонова я прочитал уже в эмиграции, но поразился тому, о сколь схожих проблемах мы пишем, как и с Чеховым.

– А из философов?

– О, философов, – воспрял Юрий Витальевич. – Это мы с вами до утра будем перечислять. Рене Генон, «Человек и его осуществление согласно Веданте» для начала. Потом, конечно, христианские мистики: «Начала» Оригена, Майстер Экхарт... Вот это вот начальные уровни, от которых уже потом можно отталкиваться, чтобы работать с уровнями самыми высшими.

Студент Анцетонов выжидающе смотрел, но Юрий Витальевич Мамлеев никак не продолжал.

– А вот, скажем, «Пламень» Пимена Карпова, – сказал Анцетонов, – вы бы к какому направлению отнесли: к художественной литературе или философии?

– Понимаете, – ответил Юрий Мамлеев, – русское сектанство, русское народное христианство – это ключ ко многим вещам, но отнюдь не замок. Конечно, в нем ярко проявлены

народные богоискательские силы, но это все бушующая стихия, которую можно направить как в позитивное, так и в крайне негативное русло. Мы видели примеры и того и другого. В негативном русле это выразилось во время революции, величайшей катастрофы в истории России, а может, и всего мира. Позитивные же преобразования, на которые способна эта живая энергия, правильно направленная, уверен, нам еще только предстоит увидеть. Это, очевидно, будет бездна, но и носители этой стихии не дети малые: быть может, они окажутся больше любой бездны.

– Ну а конкретно про Карпова что можете сказать? Вас часто с ним сравнивают, особенно «Шатуны».

– Его творчество, конечно, не клюевский или есенинский уровень... – шептал Мамлеев, – но в нем захватывающе воздействует сам материал, который Карпов, видимо, черпал из бездны народного богомилства (уже в переработанном виде), того богомилства, которое с ужасом признаёт торжество дьявола над миром и необычайное сплетение и становление двух начал: светлого и темного... Но все это переработано и подано в ином виде, и, кроме того, сами бездноносители (то есть персонажи его романа) пугающе огромны¹.

Анцетонов подскочил от внезапного испуга, но тут же сел обратно, поняв, что это мамлеевский кот напугал его, без предупреждения вспрыгнув тяжелыми лапами на колени. Анцетонов попытался примирительно погладить обидчика, но тот, вопреки тяжелому весу, уже куда-то ускользнул, так что пришлось Анцетонову погладить пустой, нагревающийся от чая и дыхания воздух (Анцетонову почему-то до того момента казалось, будто весь чай был уже выпит, а новый еще не принесли).

– А котика как зовут? – пробормотал Анцетонов.

– Котика? – переспросил Мамлеев. – Это Вася.

– Василий, значит, – сказал молодой гость, но тут же переменял направление разговора: – А вот вас часто сравнивают с Уильямом Берроузом... Как вам кажется, такое сравнение вообще уместно?

– С Берроузом мы были знакомы. Он читал «Шатунов» и был в абсолютном восторге.

– Серьезно? – недоверчиво поднял белую бровь Анцетонов.

– Правда, в сильно сокращенном виде, – подтвердил Мамлеев. – Выходил в Америке сборник с предисловием признанного писателя Джеймса Макконки, и там были «Шатуны», укороченные, наверное, на треть, если не больше. Но вообще, конечно, Америка и американская литература далеко не самая глубокая, все-таки для них это по большей части бизнес, даже для самых одаренных и независимых.

Мария Александровна подтвердила слова супруга и предложила еще чаю (гость вновь удивился: он не помнил, как выпил предыдущую порцию жидкого, но отчего-то особенно, по-русски сладкого кипятка с редкими чайнками). Пока наливали, Анцетонов все спрашивал, подогревая беседу, словно чайник – с присвистом. Поскольку Анцетонов любил разную необычную музыку, разговор зашел о том, какую слушают Мамлеевы.

– Нам очень нравится группа The Matrixx, – ответила за мужа Мария Александровна. – Вы Глеба Самойлова не знаете?

– Лично нет, – сказал Анцетонов, – а так-то конечно... А знаете, была такая группа Coil?

– Как? – переспросил Юрий Витальевич.

– Coil, – вновь сказал Анцетонов, на этот раз с вызовом и напором. – Ко-ил. Это английская группа такая, очень замешанная на эзотерике. И они оккультные практики свои распространяли и передавали посредством звука.

– А к какой традиции они принадлежат? – поинтересовался Мамлеев.

---

¹ Мамлеев Ю. Россия Вечная. М.: Издательская группа «Традиция», 2020. С. 88.

– Они с разными традициями работали, – с удовольствием принялся объяснять Анцетонов. – Вообще, изначально они собрались вокруг «Храма душевной юности» Джenezиса Брейера Пи-Орриджа, это было такое синкретическое контркультурное течение, вобравшее в себя самые разные оккультные практики XX века. И вот там были два персонажа интересных – Питер Кристоферсон и Джон Бэланс, и они создали группу Coil. В основном они интересовались алхимией и сексуальной магией, в первую очередь – Остином Османом Спейром и его учением Зос Киа. Если кратко, Киа в его терминологии – это Я, которое одновременно Бог, и это Я заполняет собой все бытие и мироздание. Мне кажется, это в чем-то похоже на то, о чем вы пишете и в художественной прозе, и в философских трудах.

– Очень интересно, – согласился Мамлеев. – Солипсическая «религия Я». Хотя слово «солипсический» у меня, конечно, используется в несколько ином ключе, чем принято в видимой повседневности. Речь скорее идет о самобытии, самобытийности. Как там у меня было? «Это не было религией эгоизма (ибо эгоизм – предательство по отношению к высшему Я) или религией обожествления человека или личности (так как высшее Я как трансцендентное, запредельное выходило за круг человеческого существования). Но эта религия (точнее, метафизика) не соответствовала и учениям, основанным на идее Бога, включая и тот их вариант, когда под Богом понималось высшее Я: ибо в этом случае абсолютизировалась только та сторона Я, которая тождественна Богу, в то время как религия Я, связанная с особым видом солипсизма, шла гораздо дальше»². Не находите, что в чем-то похоже на то, о чем вы рассказываете? Интересно было бы послушать, как они это посредством музыки передали. Как, говорите, называется?

– Coil, – сказал Анцетонов и пометил себе в книжке очередную пометку.

В таких разговорах у них прошел весь день, и почти уже начинался вечер. Пришла пора Анцетонову возвращаться в московскую подземку. Юрий Витальевич, одетый в советского кроя свитер, приподнялся с дивана и, несмотря на возражения Марии Александровны, взялся провожать молодого гостя. Анцетонов, впрочем, понял, что от него требуется настоять на том, чтобы хозяин дома оставался на своем чуть продавленном месте.

– Сидите-сидите, – сказал Анцетонов, – я еще приду.

– Приходите, конечно, в любое время, – радушно заявил хозяин. – Я же телевизор не смотрю, да и книги читаю с трудом, а вот от вас, молодых, хоть узнаю разные вещи.

– Хорошо. Ну, я тогда в следующий раз приду, принесу вам журнал в коллекцию и музыку послушаем, – пообещал Анцетонов, натягивая куртку и рюкзак.

– И непременно прочитайте Женевскую конвенцию, – добавил Юрий Витальевич Мамлеев.

---

² Мамлеев Ю. Шатуны. М.: Издательская группа «Традиция», 2018. С. 315.

I. Смерть

Кругом валялись кирпичи. И ни одной души не было. Вдруг около меня появилась жалобная, брюхатая кошка. Она не испугалась, а прямо стала тереться мордой о мои ноги.

Я чуть не расплакался.

– Одна ты меня жалеешь, кисынька, – прошептал я, пощекотав ее за ухом. – Никого у меня нет, кроме тебя. Все мы, если не люди, то животные, – прослезился я. – И все смертные. Дай мне тебя чмокнуть, милая.

Но вдруг точно молния осветила мой мозг, и я мысленно завопил:

– Как!.. Она меня переживет!.. Я умру от рака, а эта тварь будет жить...

Вместе с котятами... Негодяйство!

И не долго думая, я хватил большим кирпичом по ее животу. Что тут было! Нелепые сгустки крови, кишок и маленьких, разорванных зародышей звучно хлюпнули мне по плащу и лицу. Меня всего точно облили. Ошалев, я вскочил и изумленно посмотрел на кошку.

Умирая, она чуть копошилась. Какой-то невзрачный, как красный глист, зародыш лежал около ее рта³.

Рассказ Юрия Мамлеева «Смерть рядом с нами», из которого взят этот пассаж, датирован 1962 годом и обычно сопровождается ироничным подзаголовком: «Записки нехорошего человека». В черновой редакции⁴ дано более четкое жанровое определение: «Юмористический рассказ юмористической личности».

Зоосадизм и вообще дурашливое отношение к мучительной смерти всякого живого существа – неотъемлемая составляющая мамлеевского юмора. Так что и повествование о нем стоит начать с такой комической сценки.

В одной из палат клиники при Онкологическом институте имени Петра Александровича Герцена умирал писатель Мамлеев. Из туловища литератора торчала трубка, по которой стекала коричневатая моча. Когда Юрию Витальевичу вставляли катетер, он настаивал, что еще в состоянии управиться с уткой, но медсестра даже не пыталась делать вид, будто слушает его причитания. Врач сказал катетер – значит, катетер.

– У-у-у, как неприятно! – взвыл Юрий Витальевич, когда в самое его естество резко вошла тонкая и чрезвычайно холодная трубка.

Круглолицая непонятного возраста сестра скривила недовольную физиономию – из вежливости, чтобы хоть как-то проявить участие. Ей вторила городская природа за большим и совершенно прозрачным окном: посреди теплого летнего дня вдруг налились синюшные тучи, где-то близко ударил гром, но молния не сверкнула, и дождь не пошел, лишь тяжелые листья надоевших деревьев помаячили на порывах ветра и успокоили сами себя, словно кошка.

На соседней койке утробно охнул не такой уж старый пациент, который вечно начинал так раскатисто кричать, когда прекращало действовать обезболивающее. Юрий Витальевич беззвучно захохотал: мучения соседа его ничуть не раздражали, а скорее веселили. Особенно ему приятна была мысль о том, что бедолага этот значительно моложе его, а следовательно, и жизнь его на этом свете оказалась существенно короче, чем жизнь Юрия Витальевича, но завершалась так же страшно.

---

³ Мамлеев Ю. Утопи мою голову. М.: Всесоюзный молодежный книжный центр, 1990. С. 38.

⁴ ФЛТ, LT_X.MAMLEEV_D9426.

– Покричи, покричи, голубчик, – пробормотал Юрий Витальевич, издевательски хихикая, – чай, полегче станет.

Сосед понимал, что ему не сочувствуют, а смеются над его болью, и потому плотно сжал побелевшие губы, пока из него не вырвался следующий тяжелый и круглый, как школьный глобус, стон, за которым последовал довольный хохоток Юрия Витальевича.

– Ты покричи, покричи, – снова хихикнул разболевшийся писатель. – Сейчас сестра тебя услышит, укольчик сделает. А там и смертушка-матушка придет, расцелует.

Последние слова он произнес, кривляясь, изображая говорок несуществующей русской деревеньки: «А там и смяртушка-матушка прядет, расцелуеть». Довольно причмокнув, он перевел маленькие серые глаза на прикроватную тумбу, где лежали для него гостинцы: разнообразные йогурты и кефиры. К гостинцам он, впрочем, не притрагивался, кисломолочные продукты он ненавидел так, будто они были живыми людьми. Но ему приятно было, что кто-то тратил свои деньги, а главное – время, чтобы принести ему эти йогурты и кефиры, которые так и пропадут, никем не съеденные, напрасно произведенные, упакованные и доставленные напрямик к нему на созерцание и соседу на зависть.

В коридоре слышались знакомые шаги, медленные, но энергичные. В палату вошла Машенька, Мария Александровна – востроносая старушка, сохранившая молодые черты одним только душевным усилием и страхом перед старением и смертью. Давала знать о себе и узбекская кровь, текшая по ее высушенному временем телу.

– Сообщили? – моментально посерьезнел Юрий Витальевич.

– Сообщили, – ответила Мария Александровна, усаживаясь на край постели. – Вот, распечатали мне придурки твои.

– Какие придурки?

– Димка с Юркой.

– Чего это они придурки? – обиделся Юрий Витальевич. – Они мне матрас привезли, постелили.

– Угу. – Мария Александровна зло блеснула стеклами очков. – Тебе матрас привезли, а мне чего привезли?

Мария Александровна поморщилась и извлекла из кожаного мешка ворох листков, на которых огромными черными буквами был набран взволновавший Юрия Витальевича текст. Ему не терпелось послушать, однако он все же спросил беспокойно забрызжавшим голосом:

– А по телевизору сообщили?

Мария Александровна недовольно покачала головой.

– Ты скажи, чтоб сообщили, обязательно сообщили по телевидению.

Супруга Юрия Витальевича ничего не ответила на это, лишь поправила очки с толстыми линзами и принялась читать, медленно, спотыкаясь и раздражаясь от этих своих спотыканий:

– Писатель Мамлеев серьезно болен, ему нужна помощь, – прочитала Мария Александровна.

– Это кто пишет? Какое издание?

– «Аргументы и факты» это.

– Ага, газета такая, – кивнул Юрий Витальевич.

Сосед по палате вдруг заорал одно отчетливое слово: «Сестра!» Он набрал воздух в грудь и вновь крикнул как в последний раз: «Сестра!»

Юрий Витальевич и Мария Александровна тихонько улыбнулись друг другу, как молодые любовники, пойманные за поцелуем советской пенсионеркой. Для пушного удовольствия они удерживали смех в себе, позволяя ему раскатываться жгучим теплом по внутренностям.

– Ладно, ладно, читай давай, читай, – поторопил жену Мамлеев.

– Писатель Мамлеев серьезно болен, ему нужна помощь. Тире. Политолог Белковский, – прочитала Мария Александрова. – Белковский это пишет.

– Кто? – не понял Мамлеев.

– Стасик Белковский, – пояснила Мария Александровна. – Стасик, помнишь?

– А, Белка, – понял наконец Юрий Витальевич. – Ну, читай уже.

И Мария Александровна стала читать:

– Москва, третье июля. Политолог Станислав Белковский заявил, что не разворачивал кампанию по сбору средств Юрию Мамлееву...

Юрий Витальевич побелел:

– Как не разворачивал?

– Подожди ты, – ответила Мария Александровна. – Тут дальше. Станислав Белковский заявил, что не разворачивал кампанию по сбору средств Юрию Мамлееву, а просто «напомнил обществу, что есть такой писатель и что у него большие проблемы».

Мамлеев вроде бы уяснил, что хотел сказать политолог Белковский, но менее тревожным его лицо с проросшими тонкими, как у турецкого бандита, усами не стало.

– Юрий Мамлеев болен раком, – читала жена Мамлеева, пока он то согласно кивал, то вновь сосредотачивался в ожидании подвоха. – Мне кажется, что это один из ведущих русских писателей и дефицит общественного внимания к его фигуре и его судьбе неправилен.

– неправилен, это точно.

– Нельзя сказать, что прямо вот начали сбор средств. Просто многим небезразличен Юрий Мамлеев, многие знают его супругу. Не надо думать, что я развернул кампанию по этому поводу. Просто я напомнил обществу, что есть такой писатель и что у него большие проблемы.

– Очень большие, – подтвердил Юрий Витальевич. – Большие проблемы у нас, Машенька.

Сосед Мамлеева по палате еще раз истошно завыл. Ко всеобщему удивлению, в белую холодную палату вернулась медсестра. Она приказала молчать и повернуться на бок. Больной с неожиданной прытью подтянулся на поручнях над койкой и плюхнулся обратно, оголив большую желтовато-бурую ягодицу.

– Вы не видите, что тут женщина? – высоким и подчеркнуто обиженным голосом возмутилась Мария Александровна.

Медсестра сделала свое дело, равнодушно воткнув иглу в лоснящуюся задницу, приложила к месту укола ватку и ушла, даже не посмотрев на раздосадованное семейство Мамлеевых.

– Безобразие какое, – сказала Мамлеева.

– Они не понимают, кто к ним попал! – воскликнул Юрий Витальевич, однако не забыл о чтении газеты и велел продолжать.

Машенька вернулась к бумажкам, на которых заботливые «придурки» распечатали заметку, принятую супругами Мамлеевыми за газетную статью.

– И вместо того чтобы переживать за всяких людей, которые, как, например, Гуриев, едят устрицы в Париже...

– Кто? – спросил Юрий Витальевич. – Кто ест устрицы в Париже?

– Гуриев, – ответила Мамлеева.

– Это еще кто такой и почему он ест устрицы в Париже?

– Не знаю, Юрочка, – вздохнула Мария Александровна, заразившись мужниным возмущением. – Чиновник какой-то⁵. Так, я читаю. «И вместо того чтобы переживать за всяких людей, которые, как, например, Гуриев, едят устрицы в Париже, надо бы озаботиться судьбой

---

⁵ Очевидно, речь идет о Сергее Гуриеве (р. 1971), экономисте и ректоре Российской экономической школы с 2004 по 2013 год. В 2013 году Гуриев покинул Россию, опасаясь уголовного преследования в связи со своей работой в качестве эксперта по делу ЮКОСа. Президент Владимир Путин назвал эмиграцию Гуриева «бегством», а его невозвращение из Европы широко освещалось в российской прессе.

великого русского писателя, который страдает, потому что завтра может быть уже поздно», рассказал Белковский корреспонденту такому-то.

Мария Александровна послушавила зачем-то палец, достала новый листок и хотела было читать еще, но Юрий Витальевич ее остановил:

– Машенька.

Мамлеева посмотрела на супруга, в глазах ее опять появился злой блеск.

– Машенька. А мы в Париже устриц ели?

– Дай Бог памяти.

Она в задумчивости закатила глаза и нахмурила брови, пытаясь вспомнить, бывало ли такое, чтобы во время французской эмиграции они с Юрочкой ели устрицы. Лицо ее выражало работу мысли такой силы, будто речь шла о чем-то действительно важном.

– По-моему, ели, – сказала она где-то через минуту. – Точно, ели! На Boulevard Saint-Germain, помнишь?

– Мне кажется, не ели, – возразил Юрий Витальевич. – Мы, Машенька, в годы тяжелой эмиграции, оторванные от России и всего, что нас с нею связывало, ни разу не ели устрицы. А теперь, когда выдающийся российский писатель, достойный продолжатель Гоголя и Достоевского, находится в больнице, нуждаясь в дорогостоящей операции, соотечественники наши обсуждают, как кто-то ест устрицы в Париже.

Когда Юрия Витальевича что-то по-настоящему волновало, он всегда начинал говорить сложными предложениями, полными штампов, как средней руки бюрократ, прикидывающий, куда ему отправиться в отпуск, чтобы в конечном счете остановиться на Феодосии.

– Так, – прервала его шершавую речь Мария Александровна. – Тут про тебя пишут.

– Что пишут? – с искреннейшим интересом спросил Юрий Витальевич и больше не перебивал.

– Юрий Мамлеев – русский писатель, драматург, поэт и философ, лауреат литературной премии Андрея Белого. Из-за невозможности публикации своих произведений он вместе с женой эмигрировал в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году в США, где преподавал и работал в Корнельском университете. В тысяча девятьсот восемьдесят третьем году Мамлеев переехал в Париж, где преподавал русскую литературу и язык в Медонском институте русской культуры, а потом в Институте восточных цивилизаций в Париже. В начале девяностых годов он вернулся в Россию, после чего опубликовал несколько книг по философии. Помимо этого, Мамлеев преподавал индийскую философию в МГУ имени Ломоносова⁶.

На этом чтение заметки завершилось. Мария Александровна положила охапку листов на прикроватную тумбу, но затем подумала и положила бумагу обратно: дома пригодится.

– Да, неубедительно, – проворчал Юрий Витальевич.

С лица его исчезли все, какие были, следы угрюмого веселья. На соседа явно подействовало обезболивающее, теперь он тихо сопел в долгожданном сне. Это причиняло Юрию Витальевичу явное неудовольствие, он думал было как-то разбудить задремавшего уroda, но вскоре отказался от этой затеи, решив оставить ее на потом. Мария Александровна заметила, что что-то очень тревожит супруга.

– Машенька, – прошептал он. – Машенька, вот что я решил. Если Господом суждено мне умереть, то делать надо следующее. Запоминай.

– Юрочка, не говори глупости, – запоздало перебила его Мамлеева. – Ты не умрешь, мы тебя обязательно вылечим, и ты будешь дальше писать книги, которые принесут тебе всероссийскую известность.

---

⁶ Писатель Мамлеев серьезно болен, ему нужна помощь – политолог Белковский // Аргументы и факты, 03.07.2013. URL: <https://aif.ru/culture/309170>. Дата обращения: 21.05.2022.

Видно было, что далеко не в первый раз ей приходилось произносить эту когда-то тщательно выученную речь.

– Слушай, Машенька. Поскольку я достойный продолжатель Гоголя, то я чувствую, что и смерть моя может наступить при тех же обстоятельствах, что и у Николая Васильевича. Тебе ведь известно, что его похоронили живьем. Когда через много лет его гроб раскопали, он был весь исцарапан изнутри, а Гоголь лежал на боку. Его похоронили, решив, что он умер, а он очнулся в кромешной тьме и принялся выбираться из могилы, но безуспешно. В итоге он погиб от удушья и в полном одиночестве. Он не умер, он лишь впал в летаргический сон, но врачи приняли это за смерть, потому что следовали учению о материализме и за смерть приняли отсутствие признаков жизни. Но мы с тобой люди духовно просвещенные и понимаем, что все происходит иначе. Смерть наступает тогда, когда падает единственный от нее заслон – любовь. Кроме того, ты же помнишь мой рассказ «Прыжок в гроб». Если помнишь, то тебе известно, что там одна старуха, Катерина Петровна, все никак не хотела умирать, и тогда ее сородичи начали убеждать ее в том, что она все-таки мертва. И похоронили ее заживо в земле, хотя была она не мертвой, а всего-навсего лжепокойницей. Вспомни, как у меня это было описано. «Дунул дикий порыв ветра, потом еще и еще. Показалось, что он вот-вот сбросит гроб в могилу. Но гроб спокойно опустили туда могильщики, и посыпалась мать-земля в яму, стуча о гроб. Словно кто-то бился в него как в забитую дверь»⁷. А что, если я тем самым предсказал собственную смерть, как Леня Губанов или Николай Рубцов? Так вот, слушай же меня внимательно.

– Слушаю, Юрочка, – прошептала Мария Александровна.

– Мария, – заговорил опять Мамлеев, – проследи, чтобы, когда меня похоронили, в гроб мой положили веревку, а к ней привязали колокольчик, а колокольчик этот пусть висит у сторожа. И если я вдруг в гробу очнусь, обнаружив, что душа моя не отправилась на великую встречу с Творцом, я за веревочку эту подержаю, чтобы меня выкопали обратно и я продолжил свое существование. Запомнила?

Мария Александровна покачала головой:

– Даже если ты не умрешь, твою кровь заменят формальдегидом, и тогда ты точно перестанешь жить.

Эти слова привели Юрия Витальевича в неопишуемый ужас. Он даже чуть подскочил с постели и схватил супругу за рукав.

– Как формальдегид? – даже не сказал, а прохрипел Юрий Витальевич. – Как заменят? Кровь мою заменят?

– Заменят, – подтвердила Мария Александровна. – Кровушку твою сольют, а вместо нее формальдегидом тебя накачают. Чтобы в гробу не очухался и не обнаружил, что живой. Это для твоего же блага.

– Я протестую! – взвизгнул Юрий Витальевич, тут же поперхнувшись слюной. – Я протестую! Наслаждаться бытием – вот благо⁸, вот удовольствие, ради которого мы здесь существуем. А как можно наслаждаться небытием? Впрочем, если небытием наслаждаться невозможно, то и нет никакого бытия.

– Верно, Юрочка, верно, – закивала Мария Александровна. – Этим себя и утешай.

От этих разговоров Юрий Витальевич осознал, что проголодался. Он всегда испытывал невероятный, почти нечеловеческий голод, когда думал о смерти и том, что за ней следует. Привычка эта у него развилась довольно давно. Способствовал этому рассказ одного молодого

---

⁷ Т. 4. Прыжок в гроб. С. 404. Здесь и далее ссылки на собрание сочинений Юрия Мамлеева в 4 томах (Мамлеев Ю. Собрание сочинений в 4 т. М.: Эксмо, 2016–2019) приводятся в следующем формате: номер тома, название произведения, страницы.

⁸ *Бойко М.* Наслаждение бытием – это чистое благо // Независимая газета, 13.03.2008. URL: https://www.ng.ru/fakty/2008-03-13/2_mamleev.html. Дата обращения: 21.05.2022.

журналиста. Юный на тот момент журналист этот поделился с Юрием Витальевичем таким наблюдением, что ему всегда очень хотелось пообедать, когда он видел мертвое тело. Особенно его однажды впечатлил недельный труп старушки, скончавшейся в тесном кресле перед телевизором. На жаре она разбухла и почернела, а с кожи ее капала прямо на ковер серовато-черная жижа. Написав заметку об этом любопытном происшествии, журналист пошел в столовую, где тут же съел большую тарелку борща, котлету по-киевски с картофельным пюре, свиную отбивную, гречку с подливой, салат и запил все это тремя гранеными стаканами компота с водкой. Воспоминание это так возбудило Юрия Витальевича, что он заканючил, требуя у супруги, дабы она принесла все перечисленное, за исключением, естественно, водки. Он знал, что ответом будет отказ, но не смог удержаться от того, чтобы хотя бы в виде слов не поперекачивать во рту все эти излишества из столовой.

– Белковского надо бы поблагодарить, – сменил тему Юрий Витальевич. – В интернете, чтобы все видели... Ты Дуде скажи, он умеет, пусть напишет.

Мария Александровна явно устала от монологов мужа и принялась собирать йогурты и кефиры, чтобы унести их в сумке.

– Оставь, – резко сказал Юрий Витальевич, – пусть здесь стоит, пока не прокиснет. А как прокиснет – на сестру наругаюсь, почему вонь стоит на всю палату. Ты иди и скажи Дуде, чтобы Белковскому благодарность от меня передал.

– От нас, – поправила Мария Александровна.

– От нас, – неожиданно легко сдался Юрий Витальевич. – И по телевизору пусть сообщат обязательно.

Мария Александровна в ответ ласково улыбнулась и сообщила озарившую ее мысль:

– А знаешь, Юрочка, мне кажется, ты не умрешь.

Она озорно хлопнула по его колену, спрятанному простыней и одеялом.

– Почему? – спросил Юрий Витальевич, готовясь к предстоящему утешению.

– Интуиция подсказывает, – созналась Мария Александровна.

Этого для Мамлеева оказалось достаточно. Теперь он мог спокойно закрыть глаза и представлять, что будет, когда он отправится в мир иной. Соберутся все друзья, но это ладно, главное, что придут все его почитатели. Будет произнесено немало дежурных слов, и чем менее искренние и более дежурные речи представлял Юрий Витальевич, тем приятнее ему было. Ведь от души сожалеть и говорить о смерти можно лишь в случае заурядностей. А вот настоящему великие люди достаиваются холодных, протокольных слов. По этому поводу он вспомнил выученную наизусть телеграмму от главы российского правительства, которую ему направили в позапрошлом году и которую он никому не показывал, даже супруге, объясняя это тем, что в ней содержится некая «секретная часть».

– Вас по праву считают талантливым, глубоким писателем и философом, а ваше творчество – значительным явлением в отечественной и мировой литературе. Созданные вами произведения всегда отличаются особым, узнаваемым авторским почерком⁹, – нараспев проговорил Мамлеев.

– Юрочка, – Мария Александровна переменила тон на совершенно заискивающий, – что же там было дальше, в «секретной части»?

Мамлеев захохотал с неожиданной для его состояния силою.

– Любопытно тебе? Ну уж даже не надейся, это знание я унесу с собой в могилу. Но однажды весь мир узнает эту великую тайну и содрогнется от ужаса и восхищения.

---

⁹ Председатель Правительства России В. В. Путин поздравил писателя Ю. В. Мамлеева с 80-летием // Правительство Российской Федерации, 11.12.2011. URL: <http://archive.premier.gov.ru/events/messages/17341/print/>. Дата обращения: 20.02.2023.

Мария Александровна стиснула рот, сжала маленькие кулаки, но ничего предпринимать не стала, видимо вспомнив, что находится в общественном месте, где в любую минуту могут появиться нечаянные свидетели.

– А как хорошо было бы умереть прямо сейчас, одномоментно, – переменял вдруг тему своего монолога Юрий Витальевич. – Чтобы – хлоп! – и слился с Абсолютом в своем бессмертии.

– Нет, Юрочка, – повторяла все свое Мария Александровна, – не умрешь ты. Я так чувствую.

Интуиция не подвела Марию Александровну: в этот раз писатель Мамлеев не умер. Когда опустилась ночь, он заметил, что что-то в палате переменялось, будто стало меньше на одну душу, воспринимающую бытие. Почти слепыми глазами он всматривался в красную темноту, где под белой простыней лежало тело его соседа, и через полчаса или час наконец удостоверился в том, что он – недышащий труп.

Юрий Витальевич нажал на кнопку у кровати, загорелся рыжий огонек. Нажал снова, но никто не шел и даже не собирался.

– С мертвецом придется спать, – пробухтел себе в коротенькие белесые усы Мамлеев. – Страшно.

Сказав, а вернее прошептав это замечание, он уснул крепким и почти здоровым сном.

* * *

Кто бы ни утверждал обратное, но смерть и сводящий с ума страх перед ней – центральное, если не единственное содержание всех книг Мамлеева. «Субъект, которого описывает Мамлеев, либо мертв, либо субституирует мертвое, либо заполняет интересом к смерти все свое бытие»¹⁰, – пишет один анонимный читатель его ранней прозы¹¹.

Даже в романе «Московский гамбит», этой шизофренично-идеалистической картинке из жизни советского культурного андеграунда, ни с того ни с сего появляется смертельно больной персонаж: в книге он кажется чужеродным элементом, но без него сама книга оказалась бы чужеродным элементом в библиографии Мамлеева.

Сам Мамлеев к концу жизни стал категорически отрицать свой некроцентризм. Читатель еще не раз заметит, что Юрий Витальевич вообще любил переписывать собственную биографию, как творческую, так и личную, но сейчас хотелось бы привести такое его симптоматичное высказывание: «Однажды два человека сказали мне, что роман „Шатуны“ спас их от самоубийства. Сквозь кромешную тьму прорывается свет. Он – в подтексте. Получилось так, что даже в „Шатунах“, самом страшном моем произведении, нет смерти, но есть бессмертие»¹². «Мои произведения не оставляют впечатления безысходности: в них нет смерти»¹³, – настаивает Мамлеев в другом интервью.

Посвятив первую половину жизни созданию собственной мифологии с соответствующим мироощущением, вторую ее половину Мамлеев потратил на то, чтобы наполнить ее абсолютно посторонними смыслами, делая вид, будто для него неочевидно то, что очевидно анонимному автору, процитированному чуть выше.

---

¹⁰ И. С. Непознаваемый субъект // Беседа. Религиозно-философский журнал, 1987, № 6. С. 129.

¹¹ Здесь и далее крайне условным понятием «ранняя проза» будут обозначаться рассказы и романы, созданные Мамлеевым до его возвращения в Россию из эмиграции (1991).

¹² Малахова Н. Писатель Юрий Мамлеев: «Реальность страшна, но фантастична» // Московский комсомолец, 19.09.2015. URL: <https://www.mk.ru/culture/2015/09/18/pisatel-yuriy-mamleev-realnost-strashna-no-fantastichna.html>. Дата обращения: 23.05.2022.

¹³ Семькина Р. Юрий Мамлеев: «В моих произведениях нет смерти...» // Литературная газета, 2006, № 10.

Именно поэтому поздний Мамлеев замешан на бесчисленных самоповторах – и в книгах, и в интервью (в беседах с журналистами он в прямом смысле слова повторяет одно и то же, будто заучив наизусть некоторые формулы): в уже созданной художественной вселенной не должно появляться ничего, что нарушило бы эту безумную герменевтику, наполняющую литературные первоисточники противоположным содержанием. Хотя друзья и приближенные Мамлеева оставили многочисленные свидетельства того, что Юрий Витальевич был предельно искренним в своих порывах, не стоит отменить и такие наблюдения:

Однажды, в году 93-м, собрались выпустить книгу рассказов Мамлеева. Он их правил на заляпанном столе по парижско-ню-йоркскому изданию, пытаясь предугадать претензии нравственной, патриотической, религиозной и какой-то еще цензуры. Правил безжалостно, густо замазывая чернилами строки.

Мы ему говорили по какому-нибудь конкретному случаю, заглядывая через его руку: «Но ведь это пройдет, зачем вы», или «Да это сейчас можно», или «Здесь же ничего страшного...» А он, поднимая голову, каждый раз отвечал: «А вдруг не пройдет? Не будем рисковать, вполне без этой фразы обойтись можно».

И вычеркивал. Я думаю, что он без всего текста мог бы обойтись, кроме своего имени на обложке, которое все-таки хотелось бы явить как свидетельство¹⁴.

Подобной «редактуре» подвергся в конечном счете весь корпус мамлеевских текстов: даже если речь идет не о буквальном цензурировании его произведений, то совершенно точно полному реформатированию подверглась их идеологическая огранка – трансгрессивная проза, в которой шок обладал самодостаточной культурно-философской ценностью, посредством многочисленных и в высшей степени однообразных автокомментариев мутировала в дидактическую литературу о поисках бессмертия. Под воздействием внешних и в куда большей степени внутренних факторов Мамлеев провел операцию по предельному упрощению своего художественного мира. Это может легко заметить читатель многих его поздних романов, одним из самых забавных и одновременно отталкивающих свойств которых является откровенно ходульное построение сюжетов с обязательным квазифилософским хеппи-эндом. Так Мамлеев оказался одним из редких авторов, чьи автокомментарии ничуть не облегчают работу критика или исследователя, но лишь направляют его по самому неверному пути. Юрий Витальевич выступил в роли недостоверного рассказчика о собственной жизни, ее недостоверного комментатора. Но с какой целью? На мой взгляд, она очевидна и заключается в том, что Мамлеев на последнем этапе жизненного пути стремился представить свое наследие не как противоестественную аномалию в истории русской и советской литературы, но как вполне закономерную часть ее «естественного» развития. Если все же допустить, что у литературы и правда есть какое-то «естественное» развитие, то, конечно, встраивая себя в общее направление, Юрий Витальевич занимался откровенным ревизионизмом, а главной фальсификацией было изъятие из его произведений их стержня.

«Главная героиня Мамлеева – смерть, – совершенно справедливо замечает Виктор Ерофеев. – Это всепоглощающая obsessia, восторг открытия табуированного сюжета (для марксизма проблемы смерти не существовало), черная дыра, куда всасываются любые мысли»¹⁵.

Патологический интерес мамлеевских героев к смерти в ее наиболее зловещих проявлениях обнаруживается уже в неопубликованном рассказе 1953 года «Иронька (Рассказ тихого

¹⁴ Дарк О. Маска Мамлеева // Знамя, 2000, № 4.

¹⁵ Ерофеев В. Русские цветы зла // Русские цветы зла. Антология. М.: Подкова, 1997.

человека)» – по-видимому, самом раннем из дошедших до нас текстов Мамлеева. Несмотря на юный возраст автора, это сочинение никак нельзя назвать ученическим: в нем отчетливо видны многие мотивы и чисто технические средства письма, которые затем составят основу более зрелого творчества писателя.

Большую часть «Ироньки» занимает подробное и нарочито многословное описание заглавной героини – студентки, обладательницы «беленького, жирненького личика с томными, очень печальными глазами»¹⁶. Иронька живет с матерью в двухкомнатной, со вкусом обставленной квартире, часто влюбляется, предается смутным лирическим фантазиям, и вообще она «робкая застенчивая культурная девочка, читающая по ночам Метерлинка и Гауптмана». За пространством описанием следует внезапная кульминация – рассказчик материализуется в жизни Ироньки, и в этот момент текст и образ героини переворачиваются с ног на голову:

Я приходил к ней после обеда, убегая от своего нервного, дисгармоничного мирка, предвкушая возможность рассказать ей нечто «глубокое», специально сочиненное мной, ради нее взлелеянное.

Я заранее уже воображал, как она оценит это «глубокое», как она меня поймет и воспламенится. Она встречала меня в халате, усталая от скуки, от хождений из одной комнаты в другую, от нервных чисто женских раздражений на какой-нибудь вздор. Вялая, она садилась против меня, вся согнувшись, постарев, то настойчиво ощупывала свою шейку, то с таким же скучным выражением лица тупо и внимательно чертила какие-то фигурки, позевывала. Я сбивался, робел, с досадой обнаруживал, что то «глубокое», что я хотел сказать, точно испарилось и было вовсе не глубоким, и говорить было не о чем.

Незаметно мы переходили на тему о подлости и садизме, теперь мы начинали разговаривать в унисон, но я больше возбуждался и теоретизировал, а она выслушивала спокойно, покачивала головой, посмеивалась и добавляла от себя, что это большое удовольствие – сделать подлость кому-нибудь. Впрочем, она не так уж много это делала, а когда делала, то часто не находила в этом удовольствия, а наоборот, отпиралась и не понимала, в чем дело.

Развивая дальше наш разговор, я подводил известные выводы, и образывалась настоящая метафизика, которой я очень гордился. Особенно приятно – учила эта метафизика – продать кого-нибудь (лучше каких-нибудь), юркнуть и спрятаться в какой-нибудь уголочек, съезжиться и самонаслаждаться. Ты хорошо знаешь (обязательное, конечно, условие), что «их» уже пытаются, тебе тепло и уютно, мысль о том, что, если бы они могли отомстить – они разорвали твое (милое, родное) тело на куски, придает наслаждению новые, невыразимо нежные и темные изгибы. (Сладкая, пронизывающая все существо, какая-то внутренняя дрожь при мысли, что вот «их» пытаются, а тебе тепло и покойно, а могло бы быть так же жутко и безнадежно...) Хотя все это имело свою прелесть, может быть, только в теории, Иронька сейчас же переходила к фактам и заявляла, что она боится делать крупные подлости.

– Покоя тогда не дадут, загрызут, – вздыхала она.

Вскоре наши грезы прерывались, приходила Иронькина татап и приносила нам пухлые пирожки и чай с сахаром. Поставив все это перед нами, она нежно целовала Ироньку в лобик и уходила.

¹⁶ ФЛТ, LT_X.MAMLEEV_D9417.

Иронька приободрялась, разговаривалась, веселела, пила чай вприкуску, болтала, рассказывала что-то смешное. Между прочим рассказывала о том, как ей удалось путем ловкой симуляции провести всех врачей и незаконно получить путевку в хороший санаторий, за которой стояла очередь тяжелобольных. Потом наш разговор переходил на Метерлинка, она очень любила его, «Сестру Беатрису» знала почти наизусть.

По сути, сюжет «Ироньки» определяется методом, которым написан рассказ: автор тщательно конструирует ширму из пятидесятнической романтики со свойственным ей культом молодости, студенчества и платонической влюбленности на фоне возрожденной после войны Москвы, чтобы затем свалить ее и показать, какие, скажем так, выродки за ней скрываются. Этот метод впоследствии довел до совершенства Владимир Сорокин, и сейчас «Иронька» вряд ли удивит читателя, мало-мальски знакомого с традициями советской подпольной прозы; впрочем, можно не сомневаться, что на первых слушателей Мамлеева подобное производило ошеломляющее впечатление.

Но интересно в «Ироньке» не столько «антисоветское» (читай «направленное против повседневного обывательского лицемерия») начало, сколько то, что в этом небольшом произведении заложены ключевые моменты будущего «южинского» мировоззрения. Зная, что трансгрессивные беседы были обязательным ритуалом в доме Мамлеева, мы обнаруживаем в этом почти дебютном рассказе иное измерение, скрытое от непосвященных. «Иронька» оказывается вовсе не сатирическим изображением героев, характерных для того времени. Напротив, если принять, что рассказ носит в известной степени автобиографический характер, то станет явной пусть и своеобразная, но все же симпатия Мамлеева к его персонажам, рассуждающим о том, как, должно быть, приятно мастурбировать, думая о причиненных другим мучениях. В этом смысле мама Ироньки – не объект сатиры, а необходимый штрих, подчеркивающий ненормальность героев, которая воспринимается как их исключительно положительное качество.

Прибегнув к такой трансгрессивной оптике, Мамлеев, до того момента написавший «два рассказа <...> под Мопассана», получил первое читательское признание и утвердился в вере в свой литературный талант:

В 1953 году произошел своеобразный взрыв в моем сознании, благодаря которому я получил возможность заниматься настоящим творчеством, то есть создавать свой собственный мир, собственный космос и видеть людей так, как до этого их не видел никто. Это был, конечно, переворот, и когда я показал свои первые рассказы, еще очень неумелые, Толе Чиликину¹⁷, он, погруженный в психологию творчества, сразу просек, что это «то». И он сказал мне:

– Ты – писатель¹⁸.

Несмотря на обнадеживающий старт, до самого начала 1960-х писалось Мамлееву явно тяжело – по его собственному признанию, ему «трудно было войти в определенное состояние»¹⁹, без которого невозможно создавать мамлеевские тексты. От периода, который начался с «озарения» 1953 года и завершился концом того же десятилетия, сохранились в основном стихи – написанные под сильнейшим влиянием русского символизма (в первую очередь Александра Блока), они были откровенно слабыми, в них сложно найти даже тень самостоятельно-

¹⁷ Анатолий Михайлович Чиликин – друг детства и юности Юрия Мамлеева, сотрудник Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

¹⁸ Мамлеев Ю. Воспоминания. М.: Издательская группа «Традиция», 2017. С. 37.

¹⁹ Там же. С. 41.

сти, явственно ощутимой в ранней прозе Мамлеева. Однако эти неуклюжие по форме и содержанию строки все же позволяют понять, что сам молодой писатель считал идеалом, достойным подражания. Приведу одно восьмистишие, датированное августом 1954 года:

Я смотрю в полоумно-слезливые глазки:
Из-под беглых глядят морщин
Хитро прыгают чертики-сказки
Уводя в беспредельность долин

Ах, какая истома и ласка!
Убегу я и спрячусь в кусты
Сумасшедше-слезливые глазки
Нежат скрытно-родные мечты!²⁰

На той же странице тетради находим четверостишие, датированное тем же месяцем, которое можно прочесть как логическое завершение процитированного текста:

Никуда не уйти мне от криков
И не спрятаться даже в мечту
Красновато-тоскливые лики...
Хохочу, хохочу, хохочу...²¹

В этих и им подобных строках видно, что Мамлеев довольно поверхностно усвоил формальные приемы Серебряного века и символистский культ высокой неопределенности. Впрочем, вскоре ему удалось наполнить их собственным макабрическим содержанием: героями его юношеской лирики становятся нищие, калеки, сумасшедшие, испытывающие глубинный ужас перед мертвецки холодными, опустошенными городскими пейзажами.

– Стихи Мамлеева интересны не столько как литературный продукт, сколько тем, что являются довольно хорошей подсказкой к пониманию его мировоззрения, – справедливо замечает Дмитрий Канаев, переводчик испаноязычной поэзии и близкий знакомый Юрия Витальевича. – В стихах, если ты пишешь их искренне, довольно трудно надевать маску, потому что, когда ты пишешь стихи, тебя уносит. Я спрашивал у Марии Александровны, за что они с Мамлеевым не любили Бродского. Маша говорит, что с Бродским они несколько раз встречались, но Юра считал, что стихи не пишутся в бухгалтерской манере. Его друг Леонид Губанов для него был величиной, а Бродского он все время обходил. Мамлеевские стихи, как мне кажется, – это некоторая шифровка. Если по двум-трем десяткам стихотворений взять и смоделировать некие направления его воззрений, то они будут довольно неплохо прослеживаться в рассказах, в философских произведениях, но это все равно не будет точкой входа, это будет лишь приближением к ней.

Проиллюстрировать это наблюдение можно, например, таким текстом, написанным в ноябре 1954 года:

На кровати худая, ничтожная
Говорит сама с собой и лежит
Что-то в позе холодно-восторженное
За нее говорит, говорит

---

²⁰ ФЛТ, ЛТ_Х.МAMLEEV_D9417.

²¹ Там же.

Скоро жутью тоска разольется
Уничтожит и тельце и мозг
И из окон клубами польется
И повиснет чудовищный мост²²

О чем говорит сама с собой и одновременно чужими словами безымянная и почти бестелесная героиня этого стихотворения? О том же, о чем и все будущие персонажи книг Мамлеева.

Смерть, а вернее, «смертушка», как выражаются вечно сюсюкающие мамлеевские уродцы, и ее познание, невозможное с «обывательской» точки зрения, становятся единственной целью существования в том виде, в каком его описывает Юрий Витальевич. Вновь и вновь они приходят к выводу, что смерть есть отсутствие всяких чувств и способностей, первойшей из которых является способность мыслить и, соответственно, воспринимать бытие. Мысль о смерти способна свести с ума, следовательно, между ней и рассудком есть нерушимая связь. И здесь монстры Мамлеева подходят к опасному для них и окружающих вопросу: не является ли безумие ключом к постижению великой тайны конца всякого физического существования?

Поэтическая фантазия «На кровати худая, ничтожная...» через несколько лет получит развитие в рассказе «Счастье» (1962), которым теперь часто открываются сборники малой прозы Мамлеева. Сюжет этой забавной и по-своему очаровательной миниатюры незамысловат: двое обитателей подмосковной деревушки с несуществующим названием Блюднево пьют пиво и беседуют о высоких материях на фоне гоголевской идиллии. Один из них, Гриша, спрашивает у своего товарища, гротескного здоровяка по прозвищу Михайло, что есть счастье, взамен обещая подарить корову. Тот намекает, что счастье, по его мнению, заключается в плотских удовольствиях, для которых у него есть сразу три партнерши «на все случаи: одна, с которой я сплю завсегда после грозы, другая лунная (при луне, значит), с третьей – я только после баньки»²³.

Толкование счастья, которое предлагает Михайло, Гришу не устраивает. Между собутыльниками завязывается вялый спор, в ходе которого мы узнаём, что недавно обварилась кипятком Гришина дочь (ее судьба останется загадкой), но печалит его совсем не это, а то, что он испытал метафизический ужас, увидев елочку, покрытую чьими-то рвотными массами. Наконец он заявляет, что собирается уйти в некую секту, чем вдруг возмущает флегматичного собеседника. Михайло упрекает Гришу в том, что он мыслит «не по-научному», и рассказывает, что в Москве якобы есть специалисты, которые «почти все мозги вырезают» и лечат людей, у которых «мысли», но для этого им надо дать взятку свиной. Завершается их спор, а вместе с ним и весь рассказ следующим образом:

– Ишь до чего дошло, – мечтательно умиляется Гриша. – Прогресс.
– То-то. Это тебе не секта, – строго повторяет Михайло. Гриша задумывается. Его глазки совсем растапливаются от печали, и он вдруг начинает по-слоновьи подсюсюкивать что-то полублатное, полудетское.
– Все-таки нехорошо так, по-научному. Ножсами, – говорит он. – Лучшие в секту пойдут. Благообразнее как-то. По-духовному.
Михайло машет рукой и отворачивается от него²⁴.

Эта микроновелла – хороший пролог ко всей ранней прозе Мамлеева, она в концентрированном виде представляет его художественный метод, основанный на абсурдных парадоксах

---

²² ФЛТ, ЛТ_X.MAMLEEV_D9417.

²³ Т. 1. Счастье. С. 241.

²⁴ Там же.

и демонстрации трансгрессивных практик в самом низовом быту. «Из его рассказов полезла мелкая, смердящая, коммунальная нечисть, – пишут Петр Вайль и Александр Генис в посвященном Мамлееву эссе «С точки зрения грибов». – Вылезла и заняла свое законное место на амфитеатре жизни. Нечисть причащается за исписанными похабщиной дверями и мажет мерзким потом знамена борьбы за светлое, но неизвестное будущее – Смерть»²⁵.

* * *

Смерть очень рано вошла в жизнь Юрия Мамлеева и прочно в ней обосновалась, став ее полноправной хозяйкой. Для поколения, к которому принадлежал Мамлеев, в этом не было, в общем-то, ничего экстраординарного: детство будущего писателя пришлось на эпоху сталинского террора, отрочество – на годы Великой Отечественной войны. Однако первая же из предельно близких для него смертей задала интонацию всем его дальнейшим отношениям с закономерным итогом человеческого существования. Отец Мамлеева, Виталий Иванович Мамлеев, стал жертвой репрессий, но не просто погиб, а буквально исчез из жизни единственного сына и его матери. По словам Юрия Витальевича, мать держала от него в секрете причину исчезновения²⁶ отца – таинственного и непостижимого для маленького ребенка. Как ни странно, несмотря на то что Виталий Мамлеев внес ощутимый вклад в психиатрическую науку, на данный момент невозможно установить ни дату его ареста, ни лагерь, в который он был отправлен: в открытых списках жертв политических репрессий его имя не значится. Известно лишь, что сообщение о смерти мужа Зинаида Мамлеева получила в 1943 году²⁷.

В 1955 году Мамлеев осиротел – смерть матери (опять же, по его собственным словам) стала для него большим горем. Но тогда же, если верить легенде, которую неоднократно воспроизводил в том или ином виде Юрий Витальевич²⁸, он узнал и о собственном угрожающем диагнозе:

Я остался один. И почти одновременно с этим произошло событие, которое определило мою дальнейшую жизнь, вернее, оно послужило неким внешним толчком, который определил мою жизнь и повел ее в том направлении, в каком мне действительно было нужно – мне и моему внутреннему человеку (тому невидимому, который бессмертен). Это событие, казалось, было внешне незначительным. Оно было связано с моей болезнью – болезнью почек. Но поскольку врачи диагностировали хронический нефрит, это во многом сразу разрубило все проблемы, которые стояли передо мной, и они решились в том ключе, что я просто решил оборвать все мои связи с миром в социальном плане и быть одному.

Просто обозначился рубезж. Та жизнь кончилась, началась другая. Проблема заключалась в том, что эта болезнь, если здесь не было врачебной ошибки, могла значительно укоротить мою жизнь. Теперь все принимаемые решения так или иначе были привязаны к этому событию²⁹.

²⁵ Т. 1. С точки зрения грибов. С. 691.

²⁶ Именно такое заглавие носит один из ранних рассказов Мамлеева «Исчезновение» (1960), в котором это слово становится эвфемизмом к слову «смерть».

²⁷ По свидетельству самого Юрия Мамлеева. См.: Мамлеев Ю. Воспоминания. С. 15.

²⁸ Полагаю, читатель уже заметил, что я, возможно, проявляю излишнюю подозрительность к некоторым высказываниям Мамлеева, касающимся его биографии. Однако смею вас заверить: когда я пытался узнать у Марии Александровны Мамлеевой подробности насчет «смертельного диагноза», поставленного ему в юности, для нее это, насколько я понял, стало новостью – что весьма неожиданно, учитывая то, с каким трепетом она относилась к супругу, в том числе к его физическому здоровью.

²⁹ Мамлеев Ю. Воспоминания. С. 42.

Даже если относиться к этим словам как к драматическому преувеличению, смерть матери и последовавшее за ней осознание собственной смертности долго не отпускали Мамлеева. Неприкрытые следы этой мучительной рефлексии можно обнаружить в рассказе «Смерть матери (рассказ inferнального молодого человека)», написанном в 1962 году, через семь лет после ухода Зинаиды Мамлеевой в мир иной. На автобиографический характер этого текста, на мой взгляд, однозначно указывает то, что в оригинальной машинописи³⁰ он носил немного иное заглавие: «Смерть *моей* матери» – по всей видимости, такое уточнение показалось Юрию Витальевичу слишком личным и даже интимным.

Эта «сюрреальная», как предпочитал говорить Мамлеев, новелла – несомненный шедевр его ранней прозы. Герои рассказа – школьный учитель (еще одна деталь, указывающая на автобиографический характер произведения), его умирающая от рака мать, «тетя Катя» и некая «отравительница», демоническая сущность, которую рассказчик называет «убийцей матери», заразившей ее смертельной болезнью. Вместе они образуют «Святое» (в машинописи) или просто «доброе» (в официальных публикациях) семейство. Рассказчик вступает в сексуальную связь с «отравительницей», ходит по школе голым, мочится в «открытые, тронутые любовью и вечностью» глаза умирающей матери и мечтает «изнасиловать всех женщин на земле». Впрочем, его гротескные психопатии служат лишь шокирующе-комическим фоном, оттеняющим основное, уже действительно трагическое высказывание. Заключается оно в том, что рассказчик отождествляет смерть матери с собственной смертью, причем патологически боится ее, но столь же патологически ее жаждет. Плоть текста, дублирующая измученный рассудок «inferнального молодого человека», в своем рубленом ритме будто агонизирует вместе с матерью, лицо которой каждую ночь орошает моча сына:

Скорей бы умерла моя мать, и я продал бы ее одинокие, опустевшие платья. <...> О, моя бедная, бедная мамочка! Тоскливо ли тебе смотреть на глухой, отодвинутый мир?! <...> Буду ли я икать перед своей смертью? Выдержит ли моя нежность этот кошмар? <...> Никто не знает, как я люблю маму. <...> Я вдавливаюсь в гнусное белое порочное тело отравительницы; она стонет и бормочет, но я не отличаю ее стоны от хрипа умирающей за стеной матери... Так прошла эта ночь. Наутро я сказал ей, что закопаю ее живьем, если умрет моя мать. <...> У мамы грустные, печальные глаза, и она все время с любовью смотрит на меня. Подает кушать отравительница. Из ее халата выглядывают пухлые, нежные груди. Мы все очень внимательны друг к другу; солнышко заглядывает в наши окна. Да, да, я их всех очень люблю... <...> Мне не хочется быть с отравительницей. Я хочу быть свободным. <...> Почему на улице так весело и солнечно? Я захожу в свой дом. Меня встречает тетя Катя. «Конец», – шепчет она. Я прохожу в комнату... Мамочка, мама умерла... Ее могила растет в моем рту»³¹.

Впечатляющая, загадочная, рассчитанная на суггестивное воздействие финальная фраза «Смерти матери» перекликается с одним мотивом из другого мамлеевского рассказа, написанного в том же 1962 году. В «Тетради индивидуалиста», представляющей собой прозрачный оммаж «Запискам из подполья» Достоевского, рассказчик делится таким наблюдением: «Начну с того, что смерть вошла в мою душу вместе с первым поцелуем матери. Причем смерть жестокая, „атеистическая“ – обрыв в ничто»³². Эта мысль настолько ценна для повествователя, что он с нажимом повторяет ее всего через три абзаца: «Много было потом теорий, книг, диссертаций, как будто бы победоносно и навсегда освобождающих от этого тупого кошмара, но –

³⁰ ФЛТ, ЛТ_X.MAMLEEV_D9406.

³¹ Т. 1. Смерть матери. С. 383–385.

³² Т. 1. Тетрадь индивидуалиста. С. 682–683.

не забудьте! – такое представление о смерти впустили в наши души вместе с первым поцелуем матери, вместе с первым утренним светом, – с детства»³³.

Чувство противоестественно раннего познания смерти напрямую отражено Мамлеевым в его автомифологии:

Был, например, случай, когда я играл на даче в саду и вдруг почувствовал спиной, что на меня что-то надвигается. Это что-то была смерть. Я заплакал и ринулся в сторону, буквально на четвереньках, и тут прямо на то место в песочнице, где я только что копался, упало огромное дерево. Почему оно упало, я уж не знаю. Может, была непогода, ветер, а может, что-то в самом дереве подгнило... <...> Я тогда ощутил, что в природе есть что-то враждебное человеку, а не только хорошее. Я почувствовал, что нечто странное есть в мире»³⁴.

Несложно заметить, что для Мамлеева раннее понимание феномена смерти и осознание того, что за пределами осязаемого мира есть нечто большее, было таким же поводом для гордости, как раннее овладение грамотой и переход от чтения к творческому письму – свой первый рассказ, по утверждению Юрия Витальевича, он сочинил в шесть или семь лет³⁵. Тогда же он начал изучать первый для себя иностранный язык – немецкий³⁶. Таким образом, осознанное чтение, письмо и речь сцепились у Мамлеева с чувством того, что помимо жизни есть и нечто иное, пускай с колоссальным трудом, но все же поддающееся пониманию.

И, кажется, вполне закономерно, что культ тайны и уверенность в собственном эксклюзивном доступе к ней в Южинском кружке, символическим центром которого стал Мамлеев, развились в культ персональной гениальности (и гениальности каждого, кто входит в этот элитарный клуб), а затем оформились в радикальное отрицание европейского гуманизма. Именно антигуманизм³⁷, замешанный на осознании собственной исключительности, стал ведущей идеей «неконформизма» Мамлеева и его единомышленников. Эту позицию по-разному формулировали в разные эпохи и в разных контекстах Гейдар Джемаль и Евгений Головин, однако наиболее примечательна, по-моему, неожиданно искренняя формулировка антигуманистического кредо южинцев, предложенная самим Мамлеевым:

Другого человека нет необходимости ненавидеть именно потому, что он не стоит этого, как призрак»³⁸.

Это признание сделано Юрием Витальевичем в эссе «Судьба бытия», начало которого было впервые опубликовано на русском в 1993 году в тематическом номере журнала «Вопросы философии», посвященном философии техники. Программная статья Мамлеева, не имеющая отношения к теме выпуска, почему-то оказалась³⁹ под одной обложкой с каноническими текстами Мартина Хайдеггера, Хосе Ортеги-и-Гассета и Ханса Блюменберга. Впрочем, мамлеевский текст со ссылками на Рене Генона, Елену Блаватскую и Георгия Гурджиева смотрится одновременно дико и уместно на общем ультраконсервативном фоне этого номера журнала.

---

³³ Там же. С. 683.

³⁴ Мамлеев Ю. Воспоминания. С. 25–26.

³⁵ Там же. С. 14.

³⁶ Там же. С. 15.

³⁷ См. напр.: Давыдов Г. Игорь Дудинский: «Антигуманизм – не обязательно сатанизм» // Перемены. Толстый веб-журнал. URL: <https://www.peremeny.ru/column/view/1049>. Дата обращения: 16.06.2022.

³⁸ Мамлеев Ю. Судьба бытия // Вопросы философии, 1993, № 10. С. 179.

³⁹ «Так, однако, вышло», – лаконично комментирует публикацию редактор. См.: Там же. С. 169.

В этом чрезвычайно запутанном сочинении, претендующем на роль основополагающего текста новой религии, Мамлеев так заявляет о своем отношении к человеку как объекту восприятия:

Совершенно очевидно, что банальный, «видимый» человек не может представлять интереса для писателя-метафизика. Кроме того, такой человек (т. е. социально-психологическая сторона человека) прекрасно описан в литературе XIX в. Кажущаяся сложность такого человека является богатством на недуховном уровне, т. е. на уровне душевных переживаний, и по существу лучшее, что могла сделать такая литература – это показать ничтожество такого человека, что она блестяще и сделала. Привязанная иногда к такому человеку, к таким ситуациям, философия являлась чаще всего просто интеллектуальным обыгрыванием житейских ситуаций и не более напоминала философию, чем обычная человеческая речь⁴⁰.

Итак, «банальный», «видимый» человек исчерпан и не представляет ни малейшего интереса. Внимания заслуживает лишь некий глубинный «духовный уровень», скрытый за ничтожностью внешнего существования. Подобное пренебрежение человеческой жизнью в ее «суе-ных» проявлениях закономерно влечет за собой и отрицание смерти, которую Мамлеев в конечном счете низводит до, прямо скажем, вульгарной поучительно-эзотерической формулы:

Жить только узко-материальными, повседневными интересами, целиком подчиняя себя низшим инстинктам и плоскому рационализму (как бы ни было это распространено в современном мире) – противоречит подлинной природе человека, его стремлению понять самого себя, его внутреннему несогласию с собственной «смертностью» и ничтожеством⁴¹.

Впоследствии Юрий Витальевич шлифовал эти свои суждения в многочисленных интервью, будто доказывая (хотя никто с ним особо и не спорил), что он имел в виду совсем другое, а не презрение к «обычному», «банальному» человеку, которому Мамлеев отказывает в праве на существование (по крайней мере, в онтологической полноте – в том виде, в каком ее понимал писатель):

«Видимый» человек, которого мы знаем из нашего общения, это только маленькая часть всего человека. Вот в эти скрытые стороны я и пытался проникнуть и, исходя из неожиданных, странных, темных сторон человеческой души, творить характеры. <...> В русской литературе есть такая особенность – творить характеры из потаенных сторон человеческой души; в частности, это было чертой творчества Достоевского⁴².

Надо признать: если что и удалось Мамлееву в его мессианском литературно-философском проекте по-настоящему, так это повторить своей личной судьбой коллективную судьбу той части русской культурной традиции, которая занималась последовательным нигилистическим самоотрицанием, невротическим разрушением всего прежде созданного и обесцениванием порожденных ею же смыслов – то есть ровно того, что в публицистике именуется предельно общим, но интуитивно понятным словом «достоевщина». В исполнении Мамлеева, некоторых его товарищей по Южинскому кружку и их бесчисленных эпигонов бесы очистили-

---

⁴⁰ Мамлеев Ю. Судьба бытия. За пределами индуизма и буддизма. М.: Эннеагон, 2006. С. 104.

⁴¹ Мамлеев Ю. Духовная ситуация в современной России // Русская классическая проза. URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_rus_classic/mamleev/0/j2.html. Дата обращения: 08.02.2023.

⁴² Мамлеев Ю. Статьи и интервью. М.: Издательская группа «Традиция», 2019. С. 76.

лись от оков социального, политического и всего прочего «видимого», закономерно став просто нечистью.

* * *

О смерти Мамлеева мы узнали 25 октября 2015 года. По случайности я хорошо запомнил тот день, а точнее, вечер. Проводил я его вместе с Феликсом Сандаловым, человеком, которому годы спустя и пришла в голову светлая идея написать первую и, видимо, последнюю биографию Юрия Витальевича. Мы встретились в месте со вполне мамлеевским антуражем – за железным столиком одной московской рюмочной. Феликс тогда уезжал в Индию, самую любимую страну Мамлеева после России, но перед этим хотел избавиться от коробки семидюймовых пластинок с разным английским панком, а у меня как раз откуда-то взялись лишние деньги, так что мы решили провести обмен.

Телефон коротко прожужжал, Феликс прочитал сообщение и заметно усложнился в лице. Он вздохнул, напряг желваки и сказал:

– Мамлеев умер.

Признаться, известие это оставило меня почти равнодушным.

– Ну, он старенький уже был, – пожал я плечами, скорее удивившись тому, откуда в моей речи вдруг проскочило это умильно-ласковенькое «еньк».

Тогда я действительно не особо понимал, что произошло. Естественно, я читал «Шатунов», помнил несколько рассказов из «Задумчивого киллера», учился вместе с любимой ученицей Мамлеева, женщиной весьма, скажем так, необычных взглядов, но этим мои знания о Юрии Витальевиче, пожалуй, исчерпывались. Даже остальных южнцев я почему-то воспринимал как угодно, но не через фигуру Мамлеева.

– Пойдем покурим, – добавил я после некоторого молчания.

Так мы и сделали. С тех пор слова «Мамлеев», «смерть» и их производные, идущие вместе, крепко связаны в моем сознании с темной осенней Москвой, холодным морозящим дождем и белыми отсветами от вывески рюмочной, поблескивающими в неглубоких лужах. В общем, ничего особенного.

Каково же было мое удивление, когда прошли годы и все тот же Сандалов предложил мне написать биографию Мамлеева.

– Кто, если не ты? – так он поставил вопрос.

Я согласился не думая, скрыв удивление точно так же, как когда-то скрыл равнодушное отношение к смерти писателя. После этого я все же попытался самостоятельно ответить на вопрос: кто, если не я, а главное – почему именно я? Обманывая себя, я приходил к выводу, что это, наверное, из-за моего повышенного интереса ко всевозможной чертовщине, эстетическому радикализму, психологическим патологиям и тому подобным крайностям человеческой жизни. Но удовлетворивший меня ответ на этот вопрос пришел случайно: это было некое подобие озарения, когда происходит вспышка совершенно очевидной мысли, которая до этого почему-то не приходила в голову.

Биографию Мамлеева должен был написать я, потому что именно я находился с автором этой идеи в тот момент, когда он узнал о смерти центрального персонажа книги. Удивительным образом все, связанное с Мамлеевым, рождается из смерти или по крайней мере несет на себе явный ее отпечаток. Кто-то может решить, что для Юрия Витальевича такое заключение было бы высшей похвалой. Скорее всего, именно так бы он и принял мою мысль. Вот только в случае Мамлеева рождение из смерти едва ли соотносится с евангельской притчей о семени, что приносит плод, когда умирает, – напротив, мамлеевские философствования и писания кажутся мне зловещей пародией на этот образ: непрерывно умирая само, его семя плодит лишь мертворожденные сущности. При этом проявляющие поразительное подобие живучести.

Такова, например, его доктрина «России Вечной», замешанная на осознании уникальности русского языка и культуры, которая должна стать плавильным котлом для тех, кто готов принять эту идею. Высшей моральной наградой для ревнителя этой веры станет, видимо, признание его русским, «ибо само понятие русскости выходит за рамки планетарной жизни»⁴³. Подробнее об этой книге я расскажу в отдельной главе, пока же ограничусь лишь одним замечанием. Всякий услышанный мной разговор о «России Вечной» непременно сопровождается упоминанием о том, что эта вещь принесла Мамлееву премию Правительства Российской Федерации за 2012 год. Как правило, больше сказать об этой книге нечего. И весьма симптоматично, что из всего наследия Мамлеева, пусть и небольшого по объему, но богатого на подлинные прорывы, государство выделило произведение наиболее беспомощное как с художественной, так и с интеллектуальной точки зрения.

Наиболее точную, на мой взгляд, оценку этой «доктрине», столь благожелательно принятой российским руководством, дал друг Мамлеева, мистик и радикальный политик Гейдар Джемаль:

Мамлеев – в Южнинском центровая фигура – мне кажется, после Америки просто перестал соображать. Он не стал «ватой» в том смысле, который мы сейчас в это вкладываем, он не стал человеком, сознательно вставшим на позиции гадости, зная при этом, что он стоит на позиции гадости. Мамлеев просто спятил. Он написал «Россия [В]ечная» с березками – а он же ненавидел это, он был не просто антисоветчик, он был русофоб. Когда он начинает писать или излагать какие-то ватные бредни со ссылками на Есенина, это просто невозможно слушать»⁴⁴.

И далее:

Мамлеев <...> нес бред. Какая «вечная Россия»? После своего приезда из Америки он мне как-то сказал: – Я бы очень хотел перенести Россию на Луну. Чтобы была только одна Россия, и больше никаких других стран. Он сказал это очень задумчиво, очень честно. Мы сидели около какого-то пруда. – Очень жаль, что мы существуем в пространстве, где есть еще кто-то. Я хочу, чтобы Россия была на Луне»⁴⁵.

Пройдут годы, и вот уже эти вроде бы забавные идеи, типичный мамлеевский «бредок», в совершенно ином и по-настоящему зловещем контексте слово в слово повторяет Александр Проханов, один из ярчайших публичных выразителей настроений правящей элиты России: «Я думаю, что, конечно, скорее всего, Россия вырежет себя из Земли и улетит на орбиту какую-нибудь далекую – нам [глава Роскосмоса Дмитрий] Рогозин поможет в этом или [основатель компании SpaceX Илон] Маск – и мы переместимся, и будем жить отдельной такой русской Луной – и это будет русский путь»⁴⁶.

Пока я собирал материал для книги и общался с ее героями, мое отношение к Мамлееву менялось от снисходительного к восторженному, а искренняя симпатия легко сменялась незамутненной ненавистью. В этом я совсем не одинок, и, вероятно, это самое естественное

⁴³ Мамлеев Ю. Россия Вечная. М.: Издательская группа «Традиция», 2020. С. 14.

⁴⁴ Джемаль Г. Сады и пустоши. М.; Берлин: Direct Media, 2021. С. 477.

⁴⁵ Там же. С. 479.

⁴⁶ Панкин И. Александр Проханов: «Происходящее на Украине – это сотворение новой русской истории» // Радио «Комсомольская правда», 23.03.2022. URL: <https://radiokp.ru/podcast/specproekty-radio-komsomolskaya-pravda/585489>. Дата обращения: 23.05.2022.

восприятие Юрия Витальевича как художника и человека. Схожее ощущение хорошо передал нацбол Александр Титков:

Для меня Мамлеев – совершенная загадка. Вчитываясь в его тексты снова и снова, я многократно убеждался в противоречивой правоте как хулителей Мамлеева, отказывающих ему в праве носить звание писателя, так и его поклонников, с почтением именующих Юрия Витальевича мэтром метафизического реализма.

С одной стороны – провалы, недопустимые не то что для профессионального писателя, но для любого человека, мало-мальски смыслящего в законах литературы; удручающая скудость фантазии и убийственная корявость языка. С другой – несомненный пророческий дар, способность порождать целые литературные направления <...> В общем, как сказал Ленин о Толстом, «противоречия кричащие». И в самих текстах Мамлеева, и в оценках его творчества критиками.

Логика этого мира и здравый смысл учат, что верным может быть только одно из этих двух утверждений: либо Мамлеев графоман, либо он гений. Хотел написать: «разрешить это противоречие может только время, которое даст окончательную оценку творчеству Мамлеева», да спохватился – время никому никаких оценок не дает, все оценки в нашем мире дают только люди.

Но в одном обожатели и хулители Мамлеева сходятся: его тексты – это не совсем литература⁴⁷.

Случай Мамлеева показателен тем, что он наглядно демонстрирует, что даже самые отважные и решительные некронавты иногда не выдерживают вглядывания в бездну и в итоге, преисполнившись безграничного ужаса, вновь и вновь производят в мир «агрессивные формы пустоты»⁴⁸.

Именно эта пустотность стала идеологическим фундаментом наиболее реакционных течений в политике и общественной мысли современного российского государства, просочившись во все его уровни, вплоть до официальной риторики властей и федеральных средств массовой информации⁴⁹. Конечно, велик соблазн возложить ответственность за происходящие в наши дни катастрофы на те или иные ячейки русской интеллигенции, будь то методологи или адепты неоевразийства, но подобные стратегии поиска виновных не выдерживают никакой критики. Тем не менее невозможно отрицать, что наследие Южинского кружка с его воинственным нигилизмом, агрессивно отрицающим собственное нигилистическое начало, нашло своих адресатов в кругах, претендующих на интеллектуальную и даже политическую власть.

На страницах этой книги мы еще не раз обратимся к тому, как психотические методы письма и мышления Мамлеева и других южинцев формировали русскую фрик-политику, в какой-то момент ловко и практически незаметно проникшую в мейнстрим. Пока же ограничусь наблюдением журналиста Максима Семеляка:

У него в «Московском гамбите» есть хорошее выражение – «хозяин похмелья». Это как будто про самого Мамлеева и сказано. В этом смысле ситуация, в которой мы очутились, и есть такое мамлеевское похмелье:

⁴⁷ Титков А. Песни нездешних тварей // НГ Ex Libris, 14.12. 2006. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2006-12-14/4_pesni.html. Дата обращения: 24.05.2022.

⁴⁸ Костиюков Л. Форма пустоты // Знамя, 2003, № 3. (Рец. на: Мамлеев Ю. Изнанка Гогена. М.: Вагриус, 2002.)

⁴⁹ Подробнее об этом см., напр., в книге «Черный интернационал», написанной автором, который скрывается под псевдонимом С. Д. Аврорин: Аврорин С. «Вести мамлеевщины» с Дмитрием Киселевым // Черный интернационал. URL: https://blackintl.net/?page_id=362. Дата обращения: 18.06.2022.

одно следует за другим, шатуны бродят по Россиюшке. Похмелье, пожалуй, затянулось, ну так и напиток был крепче некуда.

* * *

Пасмурным днем 28 октября 2015 года на Троекуровское кладбище привезли гроб с Юрием Витальевичем Мамлеевым, которого перед этим как следует отпели в Домовом храме мученицы Татианы, что обслуживает студентов и преподавателей МГУ, бывших и нынешних.

Гроб был простой, но крепкий – под стать своему ныне покойному содержимому. Груз доверили темно-синему микроавтобусу с белой надписью ГУП «Ритуал» на блестяще вымытом борту. Служащие этого самого «Ритуала» были тактичны, но досадно безразличны к производимой ими священной работе, словно не понимая, отправку чьего тела в последний вечный путь им доверила судьба.

Копали ловко, с многоопытным знанием дела. Все собраться не успели, как уже чернела в мокрой зелени свежихонькая, чуть подмороженная осенним холодком могилка. Между соседними могилами потерянно бродил Юрасик Пятницкий, сын-переросток художника Владимира Пятницкого. Его белое округлившееся лицо со скорбными уголками бровей выражало будто направленную вовнутрь муку – казалось, это ему отныне и навсегда лежать в промозглой земле, а не дедушке Мамлею. Юрасика спокойно-равнодушно утешал начавший пить с самого утра Игорь Ильич Дудинский, которого с того дня будут называть последним свидетелем Южинского кружка.

Основную массу пришедших и приехавших на Троекуровское составляли непонятного происхождения и бездомного вида пьянчуги – по всей видимости, ученики, поклонники и почитатели таланта новопреставленного. Чуть особняком, но не слишком отстраненно сгруппировались староверы – любимцы Юрия Витальевича. Они негромко перешучивались о чем-то своем и время от времени угождали Марии Александровне в ее мелких, но многочисленных просьбах: разузнать, к примеру, где венок, хотя Мария Александровна своими глазами видела и

прекрасно знала, что он ждет своей торжественной минуты все в том же микроавтобусе, на котором привезли Юрочку. Староверы хоть и посмеивались, но во всем вдове угождали.

Тут же с необычайно мрачным видом сновал философ Дугов⁵⁰ в чернящем полупальто. Было свежо и по-осеннему прозрачно, несмотря на густые московские тучи. Погода, впрочем, хоть и должна была внушать спокойствие, скорее омрачала и без того горькое и по-русски тревожное прощание.

---

⁵⁰ За исключением философа и теоретика неоевразийства Алексея Германовича Дугова, все герои этой книги выведены под своими реальными именами или псевдонимами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.